

Андрей Савельев
МИГРАЦИОННЫЙ ПОТОМ
Москва • Книжный мир • 2014

Электронная версия
Цена: 50 р.
Заказ у автора - savliy@gmail.com

Ознакомительный фрагмент

Предисловие

Мировая история - это по преимуществу история империй. У человечества нет ни возможностей осмыслить исторические судьбы малых народов и государств, ни желания знать их. Вместе с тем, история империй не может быть избавлена от вопроса существования в них множества «национальных меньшинств», который по численности могли превосходить имперский этнос (политическую нацию). Само образование империй порождало громадные миграционные потоки - либо беженцев, стремящихся избежать подчинения, либо мигрантов, тянувшихся к порядку

или более высокому уровню жизни, который выгодно отличал все империи от окружающих их малых государств или протогосударственных образований.

Проблема ассимиляции огромной и разнородной массы людей - всегда была проблемой империй. Поэтому философская мысль порой предполагала идеальным типом государства города-полисы, где все население состоит из дальних и близких родственников, а пришельцы лишены гражданских прав, но вполне могут жить рядом с гражданами, ничем не отличаясь от них, кроме невозможности соучастия в принятии политических решений. Между тем, даже среди городов-государств наиболее интересны для историков именно те, который были способны на имперское строительство - например, Спарта и Афины. Все прочие - это некие «экспериментальные площадки», где имперский проект просто не состоялся или был поглощен другим имперским проектом.

История говорит нам о том, что проблема сожителства в рамках одного государственного образования множества народов - неизбежна, и она должна иметь структуру разрешения неизбежных конфликтов. Частное решение должно быть предусмотрено для недавних «инородцев» - иммигрантов, которые способны на формирования замкнутых сообществ, где внутренняя солидарность оказывается выше, чем лояльность к государству и государствообразующему народу.

Когда говорят, что «все империи рухнули», то забывают, что империя - самый долгоживущий государственный организм. Именно в империи проблема национальных меньшинств и иммиграции тем или иным путем была разрешена. При этом распавшиеся империи образовали относительно моноэтничные государства, которые либо сами стремились стать империями, либо становились добычей других империй. И лишь XX век объявил о том, что он покончил с империями. При этом убив столько людей на полях сражений, сколько не было убито за всю предшествующую историю человечества.

Фактически есть только два средства относительно эффективного подчинения этнических меньшинств - либо «федерализация» (признание их политическими субъектами с самостоятельными, отличными от государствообразующей нации интересами), либо интенсивная ассимиляция и подавление (мягкое или жесткое) всех, потенциально конфликтных проявлений этничности. При этом в любом случае

государство будет иметь перспективу, если власть формирует такой режим, в котором его лидеры становятся лидерами для представителей всех этнических сообществ. Если нет цивилизационной миссии, то государство непременно погибнет под давлением межэтнических конфликтов.

Для России вопрос ассимиляции мигрантов - это вопрос жизни и смерти. В страну уже переселилось такое количество инокультурного элемента, что межэтнический конфликт перерастает в большую межэтническую войну. При этом правящий режим не в состоянии выполнять функции лидера.

Без русификации России у нее нет будущего. И это означает, что имперский опыт для нас чрезвычайно важен. Как в вопросе сохранения межэтнического мира, так и в вопросе ассимиляции. Нам должен быть понятен и неудачный опыт, связанный с отказом от этнической иерархии. Простая русификация ничего не дает - она вызывает только отторжение. Мы должны помнить, насколько ненавистна была Япония в Корее, когда коренное население подвергалось насильственной «япони-зации». Унификация рушит империи.

Помимо негативного опыта Японской империи, имеется позитивный опыт династии маньчжуров в Китае, где три века не было никакой маньчжуризации, а различия не насаждались, а скорее подчеркивались. Но в 1911 г. династия все равно пала. Правда, от внешних причин. Но при этом империя не построила этнической и сословной иерархии, которые превратили бы в минуту опасности подданных в народ-воин. Китай восстал из праха и стал супердержавой, опять же, не без внешнего воздействия (помощь СССР), но национальная политика Китая построила иерархию: самый современный слой населения - ханьцы, в сравнении с которым национальные меньшинства похожи больше на фольклорные коллективы, которых прошлое интересует больше будущего. При этом Китай сам является источником миграционных потоков, и никакая иноэтническая миграция ему не грозит.

Угроза со стороны мигрантов основам российской государственности обусловлена не только переносом в наш родной дом чужой криминальности, но и тем, что русским стало невыносимо жить там, где жили их предки многими веками.

Миграционный потоп - лишь одна из множества причин. И связана она не столько с мигрантами, сколько с миграционной политикой, которая осознанно ставит задачу превращения коренных народов России в «россиян», перемешанных с десятками миллионов мигрантов и обладающих с ними одним уровнем культуры и одинаковым социальным и политическим статусом.

Настоящий сборник статей и комментариев охватывает более десятка лет и свидетельствует, что проблемы миграции и пути их решения были известны задолго до того, как в общественном сознании опасность была уяснена. Власти не желали ничего слышать и с упрямством проводили свой курс на «борьбу за миграционные потоки» и политику «открытых дверей» для мигрантов. Теперь они имитируют поворот в своем подходе к вопросам миграции, но ничего не собираются делать на практике. Это переводит вопрос из сферы теоретической в политическую.

России нужна власть, которой не требуется постоянно объяснять, что происходит в стране и в чем состоят ее национальные интересы.

Национальные меньшинства в судьбе государства

Значимость национальных меньшинств в европейском политическом театре забывается по причине барьеров, возведенных принципами либеральной политкорректности. Между тем, весь XX век насыщен событиями, которые вовлекали меньшинства в конфликты, как наиболее значимый и активный компонент наиболее масштабных межгосударственных и внутригосударственных конфликтов. Достаточно привести пример революции в России (вместе с предшествующим периодом революционной борьбы во главе с инородцами-разночинцами) и краха СССР (подготовленного партийными этнономенклатурами).

При том, что в Российской Империи крупнейшей составляющей населения были русские - по переписи 1897 г. в России насчитывалось 83,9 русских (56 млн. великороссов, 22 млн. малороссов, 5,9 млн. белорусов) - весьма существенную роль могли сыграть и сыграли этнические меньшинства - 8 млн. поляков, 5 млн. евреев, 3,7 млн. татар, 2 млн. финнов, 1,8 млн. немцев, 1,7 млн. литовцев, 1,4 млн. латышей, 1,4 млн. грузин, 1,2 млн. армян, 1,1 млн. молдаван, 1 млн. эстонцев. Именно из этих этнических общностей рекрутировались революционные армии, свалившие Империю и оторвавшие от нее несколько земель в качестве самостоятельных государств. Прибавим сюда роковую роль чехословацкого корпуса, нанесшего тяжелейший удар в спину силам реставрации и контрреволюции.

В Османской Империи на рубеже веков жили 14 миллионов мусульман (турок, курдов и арабов), не менее 4 млн. православных (греков, армян, болгар), 215 тыс. иудеев, 120 тыс. католиков. Империя раскололась по религиозному признаку, а внутри религиозных групп - еще и по этническому. Национальные меньшинства сыграли в этом расколе главенствующую роль.

Еще более зыбкой была ситуация в Габсбургской австро-венгерской монархии, где в 1910 г. проживало 12 млн. немцев, 10 млн. мадьяр, 6,5 миллионов чехов, 5 млн. поляков, 4 млн. украинцев, 3,2 млн. румын, 2,9 млн. хорватов, 2,3 млн. евреев, млн. словаков, 2 млн. сербов, 1,2 млн. словенцев и 0,8 млн. итальянцев. Не удивительно, что эта империя рассыпалась на мелкие составляющие.

Германская империя на рубеже веков включала достаточно незначительные группы меньшинств - млн. поляков, 200 тыс. франкофонов, примерно по 100 тыс. датчан, мазуров, литовцев, чехов, кашубов и сербов. Доминирование немцев позволило Германии сохранить имперское ядро и собрать нацию даже после поражения в войне.

После Первой мировой войны возникли новые границы и новые национальные меньшинства.

Самым многочисленным меньшинством в Восточной Европе стали евреи - больше 8 млн.: 3,3 млн. жили в Польше, 3,2 млн. - в СССР (1,7 млн. - на Украине, 600 тыс. - в Белоруссии и 900 тыс. - в остальных частях Советского Союза), 700 тыс. - в Румынии, 600 тыс. - в Венгрии, 350 тыс. - в Чехословакии. Неудивительно, что «еврейский вопрос» оказался фактором напряженности и повлиял на судьбу Европы.

8 млн. немцев представляли собой вторую по численности группу меньшинств Восточной Европы: 3,2 млн. в Чехословакии, 2 млн. - в Советском Союзе, 1 млн. - в Польше, свыше 700 тыс. - в Румынии и по 500 тыс. - в Венгрии и Югославии. Если прибавить сюда немецкое население Австрии и Франции, то ход европейской истории к войне вполне описывается тенденциями, заложенными этнополитикой. Соответственно, репрессии против немцев в СССР также становятся делом объяснимым и предсказуемым - «немецкий вопрос» представлял собой крупнейшую проблему для государства, готовящегося к войне.

Третьим по значимости в предвоенной истории было русское меньшинство, которое составляло более 6 млн. человек - около 1 млн. белорусов и 4 млн. малороссов и

украинцев в Польше, 600 тыс. малороссов и украинцев и 400 тыс. великороссов - в Бессарабии и Буковине, 500 тыс. малороссов и украинцев - в Закарпатской Украине? не говоря уже о трехмиллионной великорусской эмиграции.

Крупными меньшинствами являлись также мадьяры за пределами Венгрии (1,5 млн. - в Трансильвании, Банате и Крейшланде, 700 тыс. - в южной Словакии и Закарпатской Украине, около 500 тыс. - в Воеводине), 800 тыс. поляков в Советском Союзе, 600 тыс. турок в Болгарии, 500 тыс. албанцев в Косово, 400 тыс. словенцев и хорватов в Италии, Триесте и Герце, 350 тыс. болгар в Добрудже и 200 тыс. греков в Стамбуле. Все это - топливо для внутренних конфликтов и внешней экспансии.

Послевоенная Европа через военную и послевоенную депортацию и передел границ достигла определенного этнического равновесия - удалось отчасти привести в соответствие государственные границы и границы расселения национальностей. Но Восточная и Центральная Европа в силу этнической чересполосицы сохранила неоднородность. прежде всего в СССР, Югославии, Чехословакии. Лишенные единой национальной элиты, деятельного национального ядра, СССР и Югославия рухнули, пережив кошмары гражданской войны и интервенции, которые лишь кажутся менее мучительными, чем прежние потрясения XX в., но отличаются от них лишь одним - относительной немногочисленностью жертв прямого вооруженного насилия. Мирное расчленение Чехословакии можно объяснить как общей вялостью этнического самосознания (отмечаемую еще за столетие до того), а также неучастием в этом расчленении внешнего «третьего лишнего», отвлеченного на другие более масштабные задачи.

Продуктивный в послевоенной Европе принцип самоопределения сыграл в последующем дурную шутку. Рецидивом этого принципа можно считать Международную конвенцию по устранению любой формы расовой дискриминации, принятую в 1966 г. Генеральной сессией ООН. Взяв под защиту «народности», главные политические игроки санкционировали распад колониальных держав не только по административным границам - эти границы тоже оказались поставленными под вопрос в силу несдерживаемой ничем этнической вражды. Международным пактом о гражданских и политических правах, принятым в том же 1966 г. утверждалась непозволительность препятствий для этнических или языковых меньшинств вести свою культурную жизнь, исповедовать свою религию и пользоваться своим собственным языком. Реализация этого идеологического положения привела к потоку гражданских войн на Африканском континенте, а позднее к переделу постсоветского пространства и дестабилизации его крупнейшего осколка - Российской Федерации.

После распада СССР образовалось беспрецедентное по численности русское меньшинство, распределенное по бывшим союзным республикам. Численность только великороссов в этой группе оценивается в 25 млн. человек. Трудно представить себе стабильный мир со столь нестабильным этническим составом государств. Если 2 млн. албанцев бывшей Югославии буквально взорвали европейское пространство, открыв его американским крылатым ракетам и бомбам, то каковы будут последствия русского реванша, русского восстания против повсеместного геноцида? Европейские аналитики стремятся закрыть глаза на репрессии против русского народа и масштабное переселение преимущественно русских, бежавших от нищеты, войны и репрессий из бывших союзных республик в Россию. Их численность - не менее 11 млн. человек, что приближается по масштабам к немецкому послевоенному исходу, составившему 11,7 млн. беженцев, которые были приняты в ФРГ (7,6 млн. до 1950 г. и еще около 4 млн. между 1950 и 1961 г.), в ГДР (3,7 млн.) и в Австрии (400 тыс.).

В результате Второй мировой войны (1939-1945 гг.) общий поток беженцев, депортированных и пленных, составил 50-60 млн. человек - 10% европейского населения (включая СССР). В результате разрушения СССР не по своей воле сдвинулись со своих мест не менее 10% населения бывших союзных республик (без Российской Федерации) и

не менее 2% населения периферийных районов коренной России - обезлюдили Север, Дальний Восток, Сибирь, состоялся исход русского населения с Северного Кавказа, продолжилось начатое в советское время запустение сельской местности.

Для западных ученых русские жертвы незначительны, русские победы незаметны, русская история неинтересна. И все это вопреки масштабам, которые во все годы и по всем качественным и количественным параметрам перекрывали европейские события. Россия вела «неизвестные» для Европы войны, выигрывала «неизвестные» сражения, терпела «незаметные» страдания. Поэтому Европа не замечает трагедии России и русского народа, но вспомнит о нем, когда русские соберутся с силами для воссоединения. Тогда европейские «гуманисты» наперебой заговорят о праве наций-государств, которые в действительности никогда не создавались в постсоветском пространстве и никогда не имели той государственно-правовой природы, что европейские государства-нации.

Национальные меньшинства в современном мире играют все большую роль в связи с тем, что во второй половине XX в. на Западе укрепилась охранительная парадигма в отношении «культурной нации», и не была замечена грань, когда требование свободного культурного развития начала размываться и этничность смешалась с политикой - этнические группировки начали требовать себе политических прав и территориальной автономии. Эти охранительные настроения не подкреплены государственным проектом и могут быть лишь оправданием разделения государств. Осуществление власти в современных государствах, напротив, требует энергичных мер, которые либо ускоряют ассимиляцию, либо выстраивают этническую иерархию.

В начале XX в. этнополитическая доктрина США была предельно ясной и вовсе не либеральной. Президент Теодор Рузвельт писал: «Мы должны сделать из них (иностранцев-переселенцев) американцев во всех отношениях: по языку, политическим взглядам и принципам, по пониманию и отношению к церкви и государству. Мы приветствуем немца, ирландца, стремящихся стать американцами, но нам не нужно чужеземцев, не желающих отказаться от своей национальности. Нам не нужны немцы-американцы, ирландо-американцы, образующие особый слой в нашей общественной и политической жизни. Мы никого не можем признавать, кроме американцев...».

Напомним, что особые законы для черного меньшинства были отменены в США лишь в 60-х годах XX в.

Возвращаясь к исходной имперскости Америки, необходимо сопоставить ее с возникшей во второй половине XX в. особой либеральной доктрины, оказавшейся лояльной к прежним имперским установкам. Американский либерализм может сколько угодно излагать свои взгляды, но действовать в реальной политике будет привычный имперский прагматизм. Сохранение этого симбиоза было возможно до тех пор, пока многословие не потребовало хоть каких-то дел. Америка предпочла сбросить эти дела во внешний мир в виде доктрины своей ответственности за распространение свободы в других странах. Экспортный мультикультурализм хлынул прежде всего в Европу, подкрепляя европейские правозащитные традиции в пользу этнических меньшинств. На волне денацификации доктрина «прав человека» была внедрена в Европу в той форме, которая позволила формировать внутри сложившихся европейских наций нелояльные к ним этнические диаспоры. Именно этим европейским этническим интернационалом была доведена до реализации концепция «Европы регионов», которая фактически подорвала национальную государственность. «Европа Отецеств» еще сопротивляется, пытается выстроить хотя бы внешний пограничный контур в рамках Шенгенских соглашений, но все более и более уступает давлению диаспор.

К чему же пришли США, столь активно внедрявшие идеи раскола в Европе? Вот слова одного из ведущих американских аналитиков - бывшего председателя Национального совета по разведке ЦРУ Грехема Фуллера «Современный мировой порядок существующих государственных границ, проведенных с минимальным учетом этнических

и культурных пожеланий живущего в пределах этих границ населения, ныне в своей основе устарел. Поднимающиеся силы национализма и культурного самоутверждения уже изготовились, чтобы утвердить себя. Государства, неспособные удовлетворить компенсацию прошлых обид и будущих ожиданий, обречены на разрушение. Не современное государство-нация, а определяющая себя сама этническая группа станет основным строительным материалом грядущего международного порядка». «Хотя националистическое государство представляет собой менее просвещенную форму социальной организации с политической, культурной, социальной и экономической точек зрения, чем мультиэтническое государство, его приход и господство попросту неизбежны».

Ведущие американские аналитики прогнозируют дробление национальных государств на этнические микро государства. Специальная аналитическая группа при европейском отделении ООН в Женеве объявила, что через 25 лет в мире может быть уже не две с половиной сотни государств, а вдвое больше. Как мы понимаем, стертая в мелкую этническую пыль государственность будет заменена глобальным управлением невидимого мирового правительства, действующего как секта людей-коктейлей с доктриной собственной избранности и божественной предназначенности повелевать историческими нациями. И этот чудовищный проект бьет прежде всего по крупным национальным организациям. Не останется в стороне от этого процесса и Америка.

Уже сегодня в США возникла возможность самой настоящей этнической войны. Аналитические издания прямо фиксировали особую роль этнических меньшинств, которые смогли противопоставить ассимиляционному давлению американского государства свои собственные интересы. Диаспоры перестали ассимилироваться и постепенно превращались в локальные сообщества, которые с приходом к власти администрации президента Уильяма Клинтона в 1993 г. получили политическое подкрепление своему обособленному, сепаратному существованию. Клинтон призвал забыть о прежнем «плавильном тигле» и провозгласил политику мультикультурализма.

В 1910 г. в США проживало 14,7% лиц, родившихся в других странах. В 1970 г. этот показатель составлял 4,8%, а к 1995 г. он снова вырос и достиг уровня 8,8% около 23 млн. человек. Четверть из них родилась в Мексике, около миллиона - на Филиппинах. Согласно данным отдела прогнозирования численности населения Бюро переписи населения, к 2005 г. латинос превзойдут по численности негров и станут крупнейшей группой национальных меньшинств в стране - на их долю будет приходиться 12,6% всего населения страны, на долю черных - 12,4%. К 2050 г. латинос будут составлять четвертую часть населения США. Удельный вес азиатов в населении, который сегодня составляет 3,5%, в 2050 г. вырастет до 8,2%. Неиспаноязычные белые, на долю которых сейчас приходится почти три четверти населения, к 2030 г. будут составлять менее 61% населения, а в 2050 г. - лишь немногим более половины.

Если Советский Союз с его доктриной «дружбы народов» не смог ничего противопоставить кланам этнических меньшинств и субэтнотосов, и был растащен на удельные княжества, то в США англосаксонское большинство вместе с мощными экономическими группировками вовремя почувствовало опасность разрушения единого гражданского самосознания и буквально вырвало из лап демократической партии победу на президентских выборах 2000 г. Президент Буш-младший вновь начал восстанавливать концепцию «плавильного тигля» или хотя бы «салатницы», где этнические группы если и не переплавлены, то хотя бы не создают этнополитических анклавов. Вместе их удерживает «гражданская религия» (секуляризированная имперская доктрина) и экономический интерес (поддержание неэквивалентного обмена с остальным миром). При этом гражданское равенство обыденной жизни широких слоев населения сочетается с подчеркнутой элитарностью в различных секторах управления государством и экономикой, где определенная этничность - негласно существующий пропуск в тот или иной закрытый клуб.

К аналогичной политике могла бы была бы перейти Европа, которая все больше становится мусульманской территорией. Во Франции уже свыше 5 млн. мусульман, оказывающих влияние на политический выбор французов (в 2002 г. на их поддержку опирался Жак Ширак, выступая против Ле Пена), в Германии - около 2 млн., в Нидерландах - более полумиллиона, в Италии - примерно столько же, в Греции - около 300 тыс., в Бельгии 250-300 тыс. И это без учета нелегальной миграции, приобретающей все больший размах. В приведенных цифрах также не учтена албанская составляющая, носящая агрессивный характер и целенаправленно использующая в целях расширения своего влияния преступный бизнес - оборот оружия и наркотиков.

Перед западноевропейскими странами стоит вопрос адаптации и ассимиляции потока иммигрантов и их стремительно умножающегося потомства. Изгойство иммигрантов оказывается для них объединяющим и мобилизующим, а потому и желанным фактором. Миграционное общество готово жить по европейским экономическим законам, но отказывается принимать европейскую культуру. Европа пока не нашла ответа на этот этнический паразитизм. Но практически во всех европейских государствах возникли сильные политические объединения, ставящие одной из ключевых задач закрытие границ для беспрепятственного въезда иностранцев из Африки и Азии. Эта позиция нашла понимание у избирателей, и у сторонников сохранения национального государства возникли свои парламентские фракции, порой вторые-третьи по численности.

Теоретической проблемой в этой области является проведение разделительной линии между государствообразующим народом-нацией и национальными меньшинствами. При том, что проблеме равноправия национальных меньшинств и иммигрантов уделено огромное внимание, власти в европейских государствах (включая Россию) делают вид, что проблема настолько сложна, что по виду и вовсе неразрешима.

На самом деле все достаточно просто: нациями являются те этнополитические группы, которые не утратили памяти о своей прежней государственности и желания иметь его в будущем. Те же, кто получил государственные институты в результате исторического курьеза (например, советские прибалты), могут стать нациями когда-нибудь, но пока таковыми не являются. Соответственно, те, кто не имеет и не имел своей государственности, не могут претендовать на статус нации до тех пор, пока данное положение не изменится в силу очередного исторического курьеза. Здравая национальная политика должна всячески избегать этих курьезов, чтобы нынешние нации сохранялись, а новые не появлялись. И тогда мы будем иметь дело только с этносепаратизмом, который стоит подавлять только средствами уголовного права. И не останется никаких соблазнов объявлять какой-либо народ «многонациональным».

Другой проблемой не столько теоретической, сколько политической - является новая форма нациеобразования, наметившаяся в современном мире. Интегрирующиеся в коммуникативных пространствах меньшинства могут составить виртуальную нацию, которая окажется серьезным соперником государствам-нациям. Современные империи и современные национализмы становятся электронной (основанной на электронных СМИ) формой национально-государственного мифа. Теперь это круг дистанционного общения, а не реальное сообщество. Виртуальность настолько занимает мозги, что противопоставляет человека реальным проблемам, связанным с повседневным общением с окружающими людьми.

Унификация потребления и личная культурная анонимность побуждают людей искать своей идентичности, обращаясь к прошлому и отправляясь на поиски духовного братства, которое современное государство не желает создавать. Исчезающие политии заменяются этниями без территориальной определенности. Международный терроризм и связанный с ним религиозный фундаментализм - лишь начало этого процесса образования виртуальных культурных наций. Современный либеральный мир и джихад исламских фундаменталистов - две стороны одной и той же медали.

Государство-нация может противопоставить этой виртуальной консолидации, рано или

поздно собирающейся предъявлять претензии на политические права и политическое влияние, собственную виртуальную стратегию - распространить свою культурную экспансию на весь мир, и доступными методами как только возможно сократить воздействие на своих граждан виртуальных практик, возбуждающих этнические мифы. Национальные меньшинства должны быть размещены в информационных резервациях, выход из которых позволен только через усвоение общенациональной (имперской) культуры. Национально-культурная автономия, получающая право голоса в общении с государством и бюджетное финансирование (что заведено в России сегодня), - опасная уступка этницизму.

Из книги «Нация и государство», 2005

Истоки

межэтнических конфликтов

Межэтническая враждебность и конкуренция с древних времен оформляют любую этническую субъектность, о чем писал В.В.Розанов: «Закон антагонизма как выражение жизненности сохраняет свою силу и здесь: сословия, провинции, отдельные роды и, наконец, личности, в пределах общего для всех их национального типа - борются все между собою, каждый отрицает все остальные и этим отрицанием утверждает свое бытие, свою особенность между другими. И здесь, как в соотношении рас, победа одного элемента над всеми или их общее обезличивание и слитие было бы выражением угасания целого, заменю разнообразной живой ткани однообразием разлагающегося трупа».

Касаясь причин происхождения и значимости феномена «они», известный историк и антрополог Борис Поршневу писал: «Насколько генетически древним является это переживание, можно судить по психике ребенка. У маленьких детей налицо очень четкое отличие всех "чужих", причем, разумеется, весьма случайное, без различия чужих опасных и неопасных и т. п. Но включается сразу очень сильный психический механизм: на "чужого" при попытке контакта возникает комплекс специфических реакций, включая плач, рев - призыв к "своим"».

В младенчестве граница между «Я» и «они» размыта и проведена наугад. Лишь биологическая зависимость от матери утверждает представление о том, что есть «мы» - граница оформляется более отчетливо и отдалается, по мере освоения физического и социального пространства.

В социальном младенчестве ужасное «Оно», тождественное всему, вероятно, - первое впечатление просыпающегося рассудка. Именно из «Оно» проглядывает ужасный двойник - нерасчлененный монстр «своего» и «чужого», «Я» и «Иного». И только разграничение действительности, прояснение социальной и физической дистанции («близкие» и «далекие») дает обществу шанс выжить.

Поршневу пишет: «"Они" на первых порах куда конкретнее, реальнее, несут с собой те или иные определенные свойства - бедствия от вторжений "их" орд, непонимание "ими" "человеческой" речи ("немые", "немцы"). Для того чтобы представить себе, что есть "они", не требуется персонифицировать "их" в образе какого-либо вождя, какой-либо возглавляющей группы лиц или организации. "Они" могут представляться как весьма многообразные, не как общность в точном смысле слова».

«Они», таким образом, связываются с духами Зла, колдунами-оборотнями иных племен (а вовсе не с конкретными палеоантропами, впоследствии уничтоженными, как предполагает Поршневу). Они не вполне люди или совсем не люди. Не случайно перевод названий многих народов и племен, как отмечает Поршневу, означает просто «люди». Именно «они» сдерживали «мы» от распада, закрепляли стадный инстинкт, который значительно позднее был дополнен инстинктом стаи, перенесенным в социальные отношения из чисто «производственной» деятельности по добыванию пропитания.

Принято считать, что изменчивость антропологических черт этноса и этнического менталитета (вместе с ним и культуры хозяйства и духовной жизни) происходят в порядке смешения племен. Проблема заключается в том, что такое смешение порой

рассматривается как нечто естественное, само собой разумеющееся - либо жившие по соседству племена тесно сотрудничали, либо завоеватели (или более активные переселенцы) ассимилировали коренное население.

Такой подход невозможно признать удовлетворительным по ряду причин. Прежде всего, племенная психология не признавала за чужаками человеческих черт. С ними не могло быть никаких тесных отношений. Даже на уровне родов, которые обмениваются женщинами, чтобы избежать внутривидового конфликта между ними, существуют отношения «свой-чужой». Если между родами «чужой» может быть просто воплощением иного в человеческом облике, то иной этнос воспринимается как нелюди. Малейшее культурное различие означает попрание сакрального, которое в древних сообществах было мерилем человеческого. Поэтому иной этнос - это не просто «нелюди», а существа похуже самых кровожадных или самых нечистых животных.

Поэтому мирное сосуществование двух этносов, находящихся в стабильном состоянии следует признать невозможным. Даже два близкородственных этноса (а таковые могут образоваться просто в силу отделения одной из этнических групп в силу роста численности этноса и выхода его части за пределы исконного вмещающего ландшафта), находящиеся в стабильном состоянии, принципиально не смешиваются.

Следовательно, всякое этническое смешение связано с нестабильностью, кризисом сакрального, наступающем в случае внезапных катаклизмов (смерть вождя, голодомор и т.п.). Ослабленный этнос лишается веры в своих жрецов и спасительную силу религиозных ритуалов. Возникает всеобщее недоверие и крушение иерархии социальных статусов. Только в этом случае может возникнуть обращение к варягам: «Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет. Придите и владейте нами». Сакральность стабильного этноса в случае кризиса может быть признана действительной, а собственная - ложной. Тогда «не совсем людьми» для остатков родовой аристократии (например, сохранившихся после междоусобицы в одном из родов) оказывается большинство собственного этноса. Именно в этом случае «чужак» может быть избран вождем, отвечающим за преодоление сакрального кризиса и берущим на себя функцию учреждения новой сакральности. Если функция выполнена, возникает новая социальность, если нет - чужак становится ритуальной жертвой и социальность становится без него.

Определенное смешение в такой модели нестабильности возможно, но не способно серьезным образом изменить антропологические признаки этноса, поскольку «чужаки» составляют ничтожное меньшинство. Меняется культурная парадигма, но генофонд остается прежним. Более того, новая культурная парадигма приспособляется к законам этнического менталитета и вмещающего ландшафта - только в этом случае доказательство жизненности новой сакральности может состояться.

Нестабильность может возникнуть и в другой ситуации - в условиях дефицита ресурсов, порожденного либо изменившимися природными условиями, либо хозяйственным прогрессом, повлекшим за собой рост численности этноса. В обоих случаях часть этноса покидает вмещающий ландшафт и образует завоевательную армию. Но тогда эта армия со своими представлениями о священном не может принимать за людей представителей другого этноса, встретившегося у нее на пути. Смешение здесь может быть лишь частичным - за счет браков с иноплеменницами. Но эти браки не ведут к устойчивой заботе о потомстве со стороны завоевателей. Численность поглощаемого этноса катастрофически падает и за счет разгрома хозяйства, и за счет уничтожения «нелюдей», каковыми кажутся завоевателям коренные жители.

Таким образом в случае успеха завоевателей этническое смешение также остается малосущественным.

Остается единственная возможность для существенного этнического смешения - маргинальные зоны этнического расселения. В этих маргинальных зонах представление о священном размыто. Здесь завоевания могут носить нетотальный характер, а характер

разбоя (например, с похищением женщин). Здесь возможен обмен, поскольку предметы быта не настолько нагружены сакральными функциями, как в сердцевине этноса. Но как раз остатки этой сакральности могут вести к сближению и даже породнению представителей разных этносов.

И все-таки новая сакральность на данной территории (например, новый тип захоронений) может быть связана либо с полным уничтожением прежнего этноса, либо с его сохранением после кризиса прежней сакральности и заимствования у соседей нового ритуала и отчасти - родовой аристократии. Никакого этнического смешения новая сакральность не означает.

Реальное этническое смешение наступает только если два этноса испытывают общий кризис и сливаются на одной территории как беженцы. Это возможно лишь в связи с экологической катастрофой, происшедшей в течение короткого времени - скажем, наступление ледника к таковым не относится - или нашествие, которое сносит один этнос за другим, превращая их в перемешанную массу беженцев. Тогда беженцы, остановившись наконец и заняв какой-то ландшафт, могут смешаться и образовать новый этнический организм. Возможно такой механизм сработал, когда орды Чингисхана сметали на своем пути одно государство за другим. Но, к примеру, в империи Александра Македонского или в Римской Империи этого не было.

Интенсивное смешение, казалось бы, становится возможным лишь в условиях перехода от городов-государств к территориальным государствам. Но и здесь имеется сложный момент. Этно- кратические государства, разумеется, не допускали никакого смешения. Но и имперский принцип формирования государственности полностью отрицает какую-либо массовую ассимиляцию, лишь приоткрывая двери в общеимперскую элиту для инородческих элит. То есть, речи об этническом смешении снова нет.

«Зоной смешения» можно было бы считать рабство, где встречались представители завоеванных народов. Но предел смешению здесь задает как низкая плодовитость рабов, так и все та же неизбывная склонность к бракам с единоплеменниками. Лишь один эксперимент смешения можно считать в некоторой мере состоявшимся - рабская семья латиноамериканских плантаций. При этом результат смешения в сравнении с массами несмешанного населения все равно остается ничтожным. Как, к примеру, и в Занзибаре, где насильственно переженили огромное количество арабов с неграми. Результат смешения носит исключительно локальный характер даже в таких случаях.

Социальное расслоение по этническому признаку нельзя не признать в качестве характерной черты ранней стадии территориального государства, когда «чужие» образуют костяк высшего сословия - как это было с призванными варягами, образовавшими сначала княжескую дружину, а затем растворившимися в руси, в русском- славянском воинском сословии.

Запрет на межэтническое насилие и насильственное совместное проживание разных этносов в территориальном государстве вовсе не означает их смешивание. Даже в средневековых «космополисах» (в основном на периферии культурных ареалов) различные этносы жили слободами и цехами, обособленными друг от друга не только в бытовом, но и в культурном отношении.

Таким образом, этнос либо погибает, либо отказывается от смешивания с другими этносами. Смешение возможно лишь в маргинальных слоях, на периферии ареала обитания. Существенное же смешение вообще возможно только в ослабленном этносе, где культурные и родственные связи распадаются и возникает возможность принять «чужого» за «своего», а точнее - вырабатывается новый образ «своего», неизменно сопровождающийся снижением культурного уровня и забвением прежних родовых уз. Вероятно, в истории крайне редки были ситуации тесного соседства ослабленных этносов, готовых к смешению образованию нового этноса.

С этой точки зрения идея «субстратного» синтеза в этногенезе разливных ветвей восточных славян - финно-угорского для русских, восточно-балтийского для белорусов (а

самом деле кривичей, радимичей и дреговичей) и индоиранского для украинцев (гипотеза члена-корреспондента РАН В.В.Седова) выглядит совершенно несостоятельной. Субстрат должен был полностью погибнуть, раствориться или рассеяться. Какие-то надежды на его выживание могут быть связаны с тем, что славяне выселялись со своих традиционных мест обитания нашествиями кельтов и германцев, а также были дестабилизированы резким ужесточением климата в V в. Но жизнеспособность славянских племен в сравнении с коренным на тот период населением говорит о том, что от субстрата могли остаться лишь культурные следы, но никак не антропологические - точно также не могли славяне смешаться с надвигающимися на них кельтами и германцами.

Методы археологии не могут установить антропологических изменений и доказать факт смешения с субстратом, потому что в Европе тех времен существовал обычай трупосожжения. Наличие предметов быта и культуры якобы слившихся вместе этносов ни о чем не говорит. Культурное заимствование естественно со стороны завоевателей, присваивающих себе все лучшее, что оставил этнос-субстрат. И только культурологический аспект древней истории может дать ответ на вопрос о взаимоотношениях соседствующих этносов. А культурология (исследование сакрального, мифологии и ритуалов) дает однозначный запрет на мало-мальски масштабное этническое смешение. Только властная элита может позволить себе смешение «своего» и «чужого», но при сохранении всех культурных ограничений, включая политическую культуру и принцип лояльности подданного.

Этническое смешение - достояние нового и новейшего времени, то есть того периода, когда религиозный запрет на этническое смешение отступил перед натиском секуляризации. Но и здесь возникает масса барьеров на пути смешения - прежде всего, языковые и религиозные. Только номадическая Америка, созданная кочевой частью европейских наций (и, кстати, полностью изничтожившей индейский «субстрат») может в будущем стать примером иного рода - последовательно осуществляемого этнического и столь же последовательного (но в меньших масштабах) расового смешения. Пока же и в США этническое отчуждение сохраняется, вызывая к жизни образ «чужого», который угрожает массе белого населения (МА5Р) как в повседневной жизни - из негритянских и латиноамериканских кварталов, так и в перспективе - через близкое численное доминирование небелых и «черный расизм». В последнее время этот образ сгустился вокруг выходцев из арабских стран.

Российская империя в процессе новых территориальных приобретений сталкивалась с проблемой формирования своего отношения с инородцами, принятых «под высокую руку» русского Царя. Несмотря на мессианские представления о роли российского государства, Империя относилась к местным обычаям с необычайно бережностью: «...из Москвы не вышло ни одного прямого закона, которым бы разрушался старинный социальный порядок в инородческих землях; напротив. Московская власть эту сторону быта инородцев, по-видимому, оставила неприкосновенной; она повсюду отличает князцов от простых людей, от Московского Государя инородцы никогда не слышали, что можно не повиноваться князцам, Москва предоставила им на волю, иметь рабов или нет; она не входила в семейные отношения <...>, словом, Московская власть явилась охранительницею старинных социальных порядков в инородческом мире».

Христианизация никогда не становилась государственным делом или значимым направлением церковной политики. Христианизация стимулировалась косвенным путем, в некоторых случаях - жестким ограничением в отправлении иноверных религиозных культов (например, после взятия Казани Иваном Грозным). Более того, исследователями отмечается, что до XVIII века в официальных письменных источниках невозможно обнаружить какого-либо внимания к обычаям инородцев. Ассимиляционные процессы затрагивали главным образом служилую элиту, переходящую на службу Империи. В то же время превращение России в единственную наследницу Византии и оплот православной веры формировали условия для складывания элементов политической

нации - культурно-религиозного единства стержневого русского этноса. Православное мировоззрение в силу русского лидерства постепенно проникало и в инородческую среду, формируя общегосударственную культурную модель.

Проникновение в Россию западных представлений о государственности возбудили попытки имперских властей подхлестнуть процесс культурной унификации. И поначалу политика унификации давала позитивные плоды, органичные для имперостроительства - например, ликвидация малороссийских и балтийских автономий. Никакого давления на местные обычаи политика «русификации» не предусматривала, ибо русификация носила характер укрепления государственных институтов - речь шла о «русской власти», а не о культурной унификации или этнической дискриминации. Напротив, в целях обеспечения более прочной лояльности инородцев им порой предоставлялись дополнительные льготы - например, пожалованных Екатериной II башкирам, крымским и поволжским татарам. Екатерининский указ Сенату гласил: «Как Всевышний Бог на земле терпит все веры, языки и исповедания, то и ея величество из тех же правил, сходяствуя Его святой воле, в сем поступать изволит, желая только, чтобы между ея подданными всегда любовь и согласие царствовали». В последующий период российская этнополитика жестко требовала невмешательства власти в местные обычаи и не противодействовала местной специфике управления и правоприменения на Украине, в Польше, в Закавказье.

Концепция подданства, внешне сходная с европейской феодальной, в Российской Империи, носила однако иной характер. Определение лояльности подданного не распространялось на его веру и образ жизни. Общекультурный русско-православный стандарт распространялся ненасильственно, этнополитика безраздельно монополизировалась государством, установившим мягкую форму лояльности для подданных. (Интересно, что более жесткую форму лояльности предусматривали планы декабристов. Так, «Русская правда» П.И.Пестеля предполагала централизованное национальное государство с ликвидацией местной специфики).

Серьезным фактором при формировании российской этнополитической доктрины стал новый «вброс» в российскую политическую культуру западных концепций после победы над Наполеоном - в частности, концепции конституционализма, отчасти реализованные в Польше и Финляндии. Особое самоуправление для некоторых народов Империи вошло в противоречие с принципом самодержавия и особым положением русско-православного культурного стандарта, который в этих территориях уже не мог эволюционно вытеснять местные обычаи. Либеральный курс, реализуемый М.М.Сперанским, тем не менее, предполагал расширение принципа автономии - формальное приравнение оседлых народов к русским, сохраняя для прочих широкую автономию и традиционные властные институты. Вполне приемлемый для слаборазвитых народов курс давал в западных территориях Империи негативные результаты - формирование антиимперской этнической элиты. Попытка ответить на становление польского самосознания и восстание 1830 года насильственной русской колонизацией полностью провалилась. Ускоренные меры формирования единого народа не прошли ни на западе, ни в Закавказье, ни в Поволжье.

Этнополитическая ситуация в Российской империи серьезно осложнилась во второй половине XIX века, когда резко ускорившиеся модернизационные процессы породили местные этнополитические движения. Естественный процесс русификации, несколько ускоренный освобождением крестьян и бурным экономическим ростом, все-таки не поспевал за политизацией периферийных меньшинств. Ускоренная унификация, без которой обойтись в такой ситуации было невозможно, использовала главным образом сферу образования и языка для распространения русского культурного влияния. Причем жесткое противодействие всяким поползновениям к автономии, институциональная унификация и централизация, последовательное лишение ранее выданных льгот (вроде распространения воинской повинности на башкир) сочеталось с мягким навязыванием русского образования через материальное стимулирование обучения детей в русских школах и православным просвещением на местных языках (Туркестан). В то же время,

скажем, в отношении Финляндии никаких попыток ускоренной русификации не велось. Это обеспечивало этнополитическую стабильность в Российской Империи и отсутствие каких-либо крупных волнений нерусского населения.

Вероятно, крупнейшим просчетом российской этнополитики XIX века можно считать отсутствие должного внимания к поддержанию русского ассимиляционного потенциала. В переходный период, когда социальные технологии традиционной империи уже не давали необходимых результатов, власть не воспользовалась возможностями формирования в недрах империи государства-нации с опорой на русских, которые имели все условия, чтобы превратиться в политическую нацию еще до того, как сложилась единая общероссийская нация.

Из анализа исторического материала видно, что этнополитическая доктрина исторической России при всех отклонениях от основополагающего принципа - ненасильственного распространения русского культурного стандарта и создания определенных стеснений для прочих модернизационных культурных парадигм - сохранялась в течение столетий. Попытки ускорения процесса чаще всего были связаны с западными влияниями и усложнениями внешнеполитической ситуации.

Не воплотившись в полной мере в реальной политике, русская этнополитическая доктрина в основных своих чертах нашла выражение в творчестве русских мыслителей. Она достаточно полно сформулирована в процессе в полемики консерватора Л.А.Тихомирова с либералом В.С.Соловьевым. Кратко эта доктрина сводится к нескольким принципам. Вот они.

1. Россия создана и поддерживается русским по племени и православным по вере народом. Никакая другая народность не должна иметь больших прав в России, чем русские, но некоторые народности могут быть поставлены наравне с русской. Право на развитие получают лишь те народности, которые не угрожают существованию России и не мешают русским управлять по-русски и оставаться русскими (*принцип государствообразующего племени*).

2. Россия есть семья народов, собранная вокруг русского народа в государственном единстве. Национальное соединение (русификация) может быть только добровольной и проходить в отношении тех народностей, которые не способны к созданию собственной коллективности, юридической субъектности. Одновременно, пресекается всякое раздувание племенного антагонизма, подчеркивание по любому поводу различий между каким-либо племенем и русскими. В слабых или враждебных народностях государство замечает лишь людей и их личные права, но не коллективность и право ее развития (*принцип исключения этничности из политики*).

3. В соответствии с *принципом лояльности* формируется отношение к национальностям Империи, которое дифференцировано в зависимости от заслуг и отношения к российской государственности.

4. В соответствии с *принципом справедливости* (а не уравнительности) права соотносены с обязанностями, награды или наказания - с заслугой или виной. Уравнительность в отношении национальностей означала бы «отнять у русских их достойное и отдать тем, кто его не только не собирал, но и возьмет только для того, чтобы разрушить или эксплуатировать в своих особых целях».

Результатом применения этой доктрины (пусть даже частичного и непоследовательного) было отсутствие крупных межэтнических конфликтов, сохранение всех вошедших в состав Империи народностей, лояльность иноконфессионального и иноэтнического населения к русской власти, определенность этнокультурного образа центральной власти в глазах населения.

Исходные посылки советской этнополитической (национальной) доктрины покоились на принципе ликвидации государства и антипатриотизме («у пролетария нет отечества») и ненависти к «великорусскому шовинизму» (доктрина «тюрьмы народов»). В 1908 году в статье «Уроки Коммуны» В.И.Ленин высказался определенно: «В со- единенье

противоречивых задач - патриотизма и социализма - была роковая ошибка французских социалистов». Тезис Манифеста Маркса и Энгельса об отсутствии у пролетария Отечества был для Ленина одним из самых любимых. Он повторял его многократно. В работе «Пролетариат и война» он объявил само понятие Отечества «устарелым».

И в политической практике этот теоретический тезис выразился в предательском лозунге «поражения своего правительства в войне», возникшем во время русско-японской войны 1905 года и широко использованным в пропаганде большевиков с 1914 года (тогда дело дошло даже до более циничного лозунга - о превращении империалистической войны в гражданскую).

Логичным свойством марксистской доктрины было отрицание не только государства, но и этнических традиций. К примеру, Маркс предъявил претензии и к еврейству, которое, на его взгляд, было недостаточно нигилистично по отношению к любой традиции и написал целый антиеврейский труд «Еврейский вопрос». Маркс ненавидел и славянские народы, называя их «этническим мусором», «славянской чернью». В 1848 году он предрекал: «Вследствие мировой войны исчезнут не только реакционные классы и династии, но также и реакционные народы будут стерты с лица земли. И это будет большой прогресс. Они навсегда будут забыты». «Слабые классы и расы, которые окажутся нежизнеспособными в новых условиях, исчезнут».

Марксистская традиция отношения к нации, получившая свое завершение в работах И.Сталина, рассматривала нацию как продукт капитализма (так же как род, племя - рабовладельческого строя, народность - рабовладение или феодализм). Социализму должна была соответствовать некая новая общность и взаимопоглощение всех наций в будущем. Русские же рассматривались не как нация, не как этнос, а как носитель «языка межнационального общения» (некоего новояза) и русскоязычной «советской культуры». Русские становились как бы ядром ассимиляции культур, теряя собственно «русскость», сливаясь с безнациональными русскоязычными «советскими людьми».

В этом смысле советская этнополитическая доктрина принципиально отличалась от российской имперской, которая все-таки, пусть порой и окольными путями, шла к нации-государству и опиралась на русские культурные традиции. В этом смысле СССР уходил в доимперские времена, когда лишь властный пресс, непрерывные тесты на лояльность и выделение лояльным местным элитам земельных наделов в административное управление гарантировали покорность подданных. Как только партийно-полицейский пресс был снят, государство разломилось по искусственно проведенным этно-территориальным границам, воспринятым местными номенклатурами как границы нарезанных для них уделов.

Реальный марксизм, реализованный в советскую коммунистическую идеологию, не отрицал этнических особенностей, но даже способствовал их укреплению, а в некоторых случаях - и обособлению (например, при образовании республик в Средней Азии). Из этих «кирпичей» строилось «межнациональное» братство, которое должно было интегрироваться вокруг ценностей коммунистической идеологии. Именно поэтому со времен первой союзной Конституции 1922 г. с 4 до 15 увеличилось число «союзных республик», в полтора раза (до 38 в 1989) увеличилось число автономий. Причем, в результате выделения из РСФСР пяти автономий территория национально-территориальных образований поглотила вдвое большую территорию, которая превысила половину территории Российских земель (в границах РСФСР 1989 г.).

СССР как «империя наизнанку» предполагал деэтнизацию русского населения, которое должно было превратиться в «плавильный котел» для представителей этнических меньшинств, утрачивающих связь со своей народностью. Разумеется, национальное строительство при этом было невозможно, ибо на место русской традиции вставлялась политическая идеология. Интернационализм обернулся для русских последовательным уничтожением традиционных основ русского государства, обеспечивающих его историческую устойчивость, а также уничтожением всего националнорусского (включая уступку территорий автономиям и союзным республикам, преимущественное развитие

этнической периферии, выращивание местной этнократии и т.д.). «Советская нация» таким образом становилась химерным, временным образованием.

Достаточно быстро марксистская этнополитическая доктрина преобразовалась в доктрину «дружбы народов», сочетающую в себе представление о «новой исторической общности - советском народе» (аналог нации-государства западного типа) и развития самобытности народов (поощрение этнических кадров в управлении, науке, искусстве и т.д.). В результате национально-территориального деления (взамен губернского в Российской Империи) возникли разветвленные этнические номенклатуры и этнические клановые группировки. Одновременно происходило ущемление русского самосознания (русская история, литература, искусство преподносились как борьба передовых слоев общества против жестокого абсолютизма) и русской коллективности (РСФСР была лишена не только собственной Академии Наук, но и республиканской парторганизации).

Важным элементом советской доктрины было признание справедливости национально-освободительных движений, за которые выдавались любые всплески революционной стихии стран третьего мира. Впоследствии аргументация в поддержку этнических движений была использована этнономенклатурой для разрушения СССР и организации межэтнических конфликтов, облегчавших получение привилегий и этнических уделов.

Особенностью указанного периода было также игнорирование этнополитических процессов, протекающих вопреки постановлениям партийных съездов об укреплении советского патриотизма и пролетарского интернационализма, изживании местничества и воспитании граждан в духе дружбы народов.

Этнополитика советской номенклатуры привела к последовательному разрушению русского самосознания, размыванию этнокультурного образа власти (и страны в целом), усилению этнической дифференциации за счет искусственного возвышения этнического самосознания нерусских народностей (в особенности среднеазиатских народов и украинцев), возникновению искусственных административных границ между этносами, по которым в дальнейшем была расчленена страна.

Заложенный как скрытый порок в советскую систему, этницизм (идеология этнизации всех сторон жизни общества) воплотился в национальной политике эпохи Ельцина уже как явная болезнь, в историю которой яркой страницей записан крах СССР. В результате в Казахстане изобрели «казахскую нацию»; в Прибалтике - русских «неграждан» и «советскую оккупацию»; в Татарстане начали отдавать почести предкам, погибшим при взятии Казани русскими полками (забывая, что были среди штурмующих были и татарские полки), и выступать с требованиями об отмене празднования Куликовской битвы; в Чечне вспомнили разбойный образ жизни и шариатские суды, в Якутии учредили «циркумполярную цивилизацию»...

Этнополитическая доктрина ельцинизма первоначально складывалась на основе принципа «сбрасывания периферии» и выделения России из СССР как наиболее поддающегося демократическим реформам ядра. Затем произошло соединение демократической риторики с прежними политическими штампами о дружбе и свободном развитии народов России. Не случайно министр по делам национальностей Р.Абдулатипов неоднократно подчеркивал позитивную роль советской национальной политики, отказавшейся от унитарной формы организации государства.

Неизменность подходов к этнополитическим проблемам иллюстрируется тем фактом, что этнополитическая конструкция СССР была повторена в России: выделены «титультельные» уделы, которые получили возможность строить систему управления по собственному усмотрению и иметь преимущества как в верхней палате парламента (представительство в Совете Федерации от территорий, а не от равного числа избирателей), так и в нижней (специальные избирательные округа для малочисленных субъектов Федерации). Советская этнополитическая доктрина была внедрена в госстроительство концепцией федерализма, некорректно трактующей Россию как «союз

народов» или союз независимых субъектов («титულных наций»), федерирующихся в зависимости от своего желания. Доктрина о «советском народе» была заменена доктриной «многонационального народа», которому официальная риторика дала имя «россияне».

Особенностью условий для реализации прежних советских установок стало образование новой периферии вокруг Российской Федерации, претерпевающей стремительную дерусификацию. Уступив в своих границах несколько столетий, Россия обрекла западных славян растворение в Западе, фактически позволив обратить вспять также и процесс русификации своих западных областей. Еще более удалившаяся славянская периферия и вовсе потеряла ощущение связи со своим цивилизационным центром. Русское пространство съезжилось в самой России - вслед за сужением ареала распространения идеи славянского единства.

В этнополитической доктрине ельцинской эпохи были восстановлены принципы, которые официальная пропаганда советского времени не востребовала из наследия большевиков. Наиболее ярким проявлением этой преемственности была организация кампании борьбы с «русским фашизмом». Аналогичное проявление - вспыхнувшая было кампания в пользу необязательности русского языка в новой местной системе образования, вводимой под предлогом реализации принципа ненасилия и соблюдения прав на обучение на национальном языке.

Основной чертой этнополитики ельцинизма был переход к рассмотрению русских как этноса (а не суперэтноса и не нации) - то есть, однородного племенного образования, отличающегося от прочих племен только своей численностью (последнее, правда, никогда не принималось во внимание). Новым явлением стала открытая консолидация этнических элит в борьбе за привилегии, образование «интернационалов» национальных меньшинств без участия русского народа (Мин- нац, Комитет ГД по делам национальностей, Ассамблея народов России и др.). Законодательство предоставило легальные возможности для этнического обособления, проводимого за счет бюджетных средств (система национально-культурных автономий).

Ельцинизм привел к болезненному обострению этнического самосознания и тяжелейшим межэтническим конфликтам, возникновению этнического паразитизма - набора необоснованных привилегий, которыми наделяются национальные меньшинства в сравнении с русским большинством; подавлению всех проявлений русскости, утрате образа страны, распаду власти и «верхов» общества на клановые группировки (в значительной степени имеющие этнический характер).

Доктрина этнополитики ельцинской России опиралась на ряд базовых принципов, которые были реализованы в рамках достаточно узких возможностей кризисного периода и, главное, официально признаны как руководство к действию в стратегической перспективе:

- свобода самовыражения духовно-нравственной (культурной) самобытности;
- право на образование на национальном языке;
- право на преодоление последствий ранее допущенных дискриминаций по национальному признаку (реабилитация и компенсация за депортации и репрессии);
- равные права народов при различных формах их конституционного самоопределения с обязательным условием сохранения целостности российского государства;
- равная суверенность и ответственность республик, краев, областей и национальных автономий при сохранении традиционного статуса вхождения в Федерацию, многоуровневая государственность;
- государственная поддержка малочисленных народов;
- право этих народов на свободное распоряжение природными богатствами и ресурсами;
- квотное представительство «основных национальностей» в представительных

органах, расширение присутствия этнических меньшинств в высших эшелонах власти, в правительстве, дипломатическом корпусе, в армейском руководстве;

- право на судебное расследование с учетом национально-языковых особенностей.

Анализируя этнополитику ельцинского периода, мы должны исходить из того, что любая политическая программа исполняется не буквально. Она лишь вызывает к жизни определенные архетипы (которые при отсутствии данной программы могут в течение длительного времени находиться как бы в «замороженном» виде) или политическую практику реализации групповых интересов.

Право на преодоление допущенной дискриминации по этническому признаку всегда может быть интерпретировано как оправдание дискриминации по отношению к людям, не имевшим никакого отношения к прежним конфликтам между властями и этносом. Тогда равенство прав народов нарушает равенство прав граждан. Даже незначительный дисбаланс здесь может стать источником политического капитала определенной части властных и околовластных этнических группировок, разжигающих вражду между народами.

Неверно интерпретированный тезис о поддержке малых народов может ущемить права остальных народов России. Например, свободное использование природных ресурсов малыми народами может приводить к распродаже национального достояния за пустыковые услуги авантюристов. Внедрение этнических меньшинств в органы власти нарушает естественно складывающееся представительство.

Допустим, что начинает реализоваться программа обеспечения свободы выражения этнической самобытности. Самобытность тут же совпадет с пренебрежением к общенациональному укладу, отказом принимать нормы поведения, принятые в ведущем общенациональном типе культуры. И тогда мы видим на среднерусских базарах армию торговцев с Кавказа и из Средней Азии, плохо понимающих по-русски, пренебрегающих традиционным укладом местного населения и создающих криминальные сообщества по принципу этнической солидарности.

По тем же самым причинам право на образование на национальном языке при хроническом дефиците средств на общенациональную программу образования сплошь и рядом будет реализовано как право навязывать образование именно на языке «титального» этноса при ущемлении права получать образование на государственном языке. Данное положение наблюдается в ряде внутренних российских республик, где произошло сокращение русских школ и введение «двуязычия», а местный язык навязывается в ущерб изучению европейских языков. Здесь этнистами использована методика прежней власти - «удовлетворение все более растущих потребностей». В данном случае речь идет о мощно заявляющих о себе потребностях локального значения, отнимающих ресурсы у общенациональных образовательных программ.

Межнационалы-сепаратисты предлагают для России в качестве основной формы сосуществования народов ни много, ни мало - двуязычие и даже многоязычие. То бишь, каждый гражданин России должен знать два и более языка. В принципе, тезис кажется привлекательным. Но есть ли на это силы, возможности? По всей видимости, ответ напрашивается сам собой: в сегодняшних условиях Россия не может превратиться в страну полиглотов, освоивших «титальные языки», пригодные лишь для бытового общения среди ограниченного круга лиц. Поэтому изобретается особый способ насильственного внедрения многоязычия - создание привилегий «титальным» этносам при избрании на выборные должности. Такой привилегией становится знание «титального» языка.

Этно-сепаратистами была прописана целая система мер, в значительной степени укоренившаяся как образец, к которому государственная политика должна стремиться: отказ от приоритета развития одних языков (читай - русского языка) за счет других, оказание помощи «потенциально слабым языкам», придание статуса государственного языка языку «титальной нации», создание языковых резерваций для дошкольников,

поддержка языков этнических диаспор за счет сотрудничества «суверенных республик» и т.д. Все это вошло в практику ельцинской России там, где бюджетные средства были под контролем удельной

«Этнополитика: от теории к практике», 2001

Конец ознакомительного фрагмента